

Речь как заговор души: ἐπωδή в диалогах Платона

В диалогах Платона терминология магических практик (γότης, γοητεία, ἐπωδή, φάρμακον) используется как для описания действий софистов, так и для характеристики самого Сократа (см. «Менон», 80d: γότης). Для позитивного использования понятия ἐπωδή — магического заговора, заклинания — характерно то, что единственным необходимым условием заговора оказывается речь; Сократ увлекает своих слушателей «без всяких инструментов, одними речами» («Пир», 215d: ἄνευ ὀργάνων ψιλοῖς λόγοις), которые «божественны»; речи как заговору не нужно ничего для самоосуществления, кроме себя. Об этом говорится и в «Хармиде», когда Критий предлагает Сократу притвориться (155b: προσποιήσασθαι) врачом, который знает средство (φάρμακον), способное заговорить Хармида от болезни. Лучшим же средством оказывается речь, исцеляющая тело и душу. Чтобы убедить собеседника в своей силе, Сократ начинает свой заговор с изложения знания, полученного от ученика Залмоксида — царя и бога фракийцев.

Эти эпизоды указывают на условие самодостаточности речи — наличие в ней элемента, выходящего за привычный порядок представлений о вещах. Заговор души требует мифопоэтической и божественной инстанции. Такая речь есть всегда большее, чем тот, кто ее высказывает, а значит сохраняет свою магическую силу безотносительно самого субъекта говорения. В «Федоне» Сократ стремится разубедить собеседников, которые боятся, что после смерти Сократа не остается «чародея», способного «заговорить» их от страха смерти, и призывает их к поиску источника заговора в самих себе, что косвенно указывает на исключительность и просвещенность аудитории этой беседы. Заговор завершается мифом, которым, по словам Сократа, мы «зачаровываем самих себя» (114d). Страх перед смертью усыпляет «малое дитя» в нас (77e) подобно тому, как внутренние дурные движения души ребенка умирятся внешними движениями и напевами, которые Платон упоминает в «Законах», ссылаясь на священное врачевание корибантов (790d). Сон аффектов влечет за собой «безветрие и успокоение души» (791a) — условие возможности для обретения и сохранения знания (см. «Государство», 608a, где ἐπωδή необходимо для удержания в себе истинного λόγον). В «Пире» речи Сократа сравниваются Алкивиадом с напевами Марсия; причина завораживающей силы последних в их божественности, но не в мастерстве исполнителя, так и речи Сократа сами по себе «потрясают и увлекают». Схожая мысль о внутренней силе слова имеется и в «Федре», когда после египетского мифа о происхождении письма (очередная «аномальная», чужеземная инстанция знания) Сократ наставляет собеседника, что в речи важно не «кто это говорит и откуда он», но «так ли все на самом деле или иначе» (275c). Напротив, речь без сверхъестественной силы теряется без своего автора и даже в исполнении хорошего оратора не способна «взволновать» («Пир», 215d) слушателя, что отличает заговор от риторического воздействия.

Использование мифа как определяющего элемента заговора поднимает вопрос о соотношении заговора и истины. Заговаривая собеседника, Сократ не настаивает на том, что речью как заговором с необходимостью исчерпывается все рассуждение: в «Федре» во второй речи Сократа собеседники не больше чем «коснулись чего-то истинного» (265b), а мифу из «Федона», по словам Сократа, все же не хватает силы (*ισχύς*), чтобы утверждать, что «все обстоит именно так, как я рассказал» (114c). Но заговор, тем не менее, обновляет и направляет душу, охватывая за пределами строгому рассуждению.